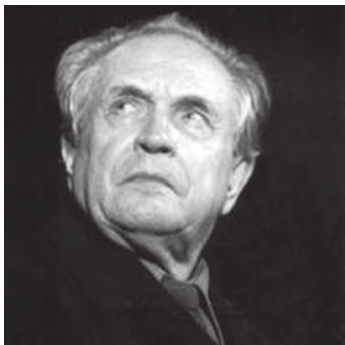

О деятельности и творчестве Александра Зиновьева написаны сотни статей и десятки книг. Разные авторы отзываются о нём по-разному. Его деятельность и в нашей стране (до и после перестройки), и за рубежом не получила однозначной оценки. На западе восторгалось его знаменитыми «Зияющими высотами», но его дальнейшая публицистическая деятельность там прошла практически незамеченной, а порой подвергалась насмешкам. После того, как А. Зиновьев был отправлен в эмиграцию, интерес к нему там несколько возрос, но ненамного, и для этого были основания.

Многие публицистические книги А. Зиновьева, в том числе «Зияющие высоты», «В преддверии рая», «Записки ночного сторожа», «Светлое будущее», «Жёлтый дом», «Горбачевизм» и др., представляют собой набор отдельных высказываний, проникнутых определённым чувством — главным образом ненависти и презрения, — а вовсе не выглядят ни художественными произведениями, ни философскими трактатами. Автор, как говорится, рвёт и мечет.

Советский строй, а тем более его обновление в виде «перестройки» он яростно ненавидит. Казалось бы — вот злобный антисоветчик сродни А. Солженицыну. Однако дело обстоит далеко не так.

Приведём интересную цитату из его книги «Русская судьба, исповедь отщепенца» (М.: Центрполиграф, 1999.): «В 1937 году я вступил в комсомол. Ничего особенного в этом не было — большинство учеников нашего класса уже были комсомольцами. Но для меня в этом заключался особый смысл: я хотел стать настоящим коммунистом. <...> Коммунистическое общество, каким оно представлялось утопистам и тем более марксистам, вполне отвечало моим представлениям об идеальном обществе и моим желаниям. <...> Идеи коммунистического общества как общества идеального коллективизма захватили тогда мои воображения и мои чувства» (стр. 103–104). Несколько ранее автор поясняет свою мысль так: «Новые коммунистические общества мыслились

как воплощение всех мыслимых добродетелей и полное отсутствие всех мыслимых зол» (стр. 93). Но в качестве заключения он пишет (это относится, по-видимому, к сегодняшнему времени): «Я утверждаю категорически, что в таком грандиозном процессе, какой пережила страна, имели место случаи обмана и самообмана, но процесс в целом не был обманом и самообманом. <...>

В реальности происходило формирование нового человека, адекватного новым условиям существования» (стр. 91). «Идеальный коммунист» Зиновьев остаётся идеальным коммунистом и в 1998 г. Разумеется, это ещё не всё. Автор неоднократно подчёркивает, что он был убеждённым антисталинистом, начиная чуть ли не со школьной скамьи. Он считает Сталина человеком, глубоко извратившим идеи коммунизма, а, оказывается, чтобы вернуть их к реальности, следует встать на путь терроризма. Об этом отчётливо говорится в одной из глав этой книги «Идеи терроризма»: «Идеями индивидуального террора я интересовался и ранее. Я восторгался мужеством Халтурина, Желябова, Перовской, Каракозова и других народовольцев, а также Александра Ульянова. Каким-то образом мне удалось прочитать речь последнего на суде, и я полностью согласился с ним. Я перенёс лишь эти идеи на современную мне ситуацию. Не Владимир Ульянов (Ленин), а именно Александр Ульянов был одним из героев моей юности» (стр. 147).

И что уж вообще поразительно для международно признанного философа, лауреата многих премий и члена иностранных академий такое признание: «Прошло почти пятьдесят лет с тех пор. Если бы было возможно такое чудо — переиграть жизнь, и мне было бы предложено выбирать — совершить покушение на Сталина или прожить всю жизнь, какую я прожил, я бы и сейчас выбрал первое» (стр. 150).

После признаний такого рода те, кто считают А. Зиновьева социальным отщепенцем, мне кажется, глубоко заблуждаются. Дело в том, что А. Зиновьев всегда был и оставался истинным марксистом — ленинцем. Он просто считал нужным «исправить» существовавший строй, чтобы он возвысился до истинных «сияющих высот». Изменив первую букву в своём идеале, он и назвал свой сатирический роман «Зияющими высотами».

* * *

Самое важное для Зиновьева, как почти для каждого истинного идеального коммуниста, было стремление к интернационализму (согласно учению Маркса, Энгельса, Ленина). Понятия — Россия, русское, национальное — для него всегда были чуждыми, пустыми и бессмысленными. Его нельзя назвать русофобом, поскольку

о России он никогда плохо, а тем более уничижительно не отзывался, но национальный вопрос всегда абсолютно находился вне его внимания. Чего стоит, например, такое рассуждение о периоде Великой отечественной войны:

«Абсурдно также мнение, будто советские люди сражались за Родину, а не за советский социальный строй. Ко времени начала войны коммунистический строй для большинства советских людей стал их образом жизни, а не политическим режимом. Отделить его от массы населения было просто невозможно практически. <...> Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве. Разгром коммунизма в России был равносильно разгрому самой России» (стр. 231).

С этим связана и откровенная неприязнь, если не сказать враждебность, А. Зиновьева к Солженицыну. Для последнего удавка коммунизма на шее России, созданная международным капиталом, казалась чем-то вроде татарского ига. А Зиновьев, как идеальный коммунист видел в этом явлении развитие неких интернационалистских принципов и внедрение в сознание русского народа всего доброго. В одном месте написано: «По сути дела именно сталинизм был продолжением ленинизма как в теории, так и на практике» (стр. 305). Такие утверждения связаны, с моей точки зрения, с тем, что А. Зиновьев стал воспринимать реальное советское общество 1970-х — 80-х годов, как некое реальное воплощение и разумное развитие — марксистско-ленинско-сталинских идей. Дескать, выше крыши не прыгнешь.

Перестройку, объявленную Горбачёвым, он поначалу считал некоей социально-идеологической провокацией («Горбачевизм» и «Катастрожка»). Но позже он, почувствовав серьёзные изменения в стране, вернулся в постперестроечную Россию так же, впрочем, как и А. Солженицын. Поначалу он положительно отзывался о деятельности В.В. Путина, но позже пересмотрел свою позицию, рассматривая Путина как человека, который утверждает и облекает в народно-общепринятую форму деяния ельцинского режима.

Размышляя над последними книгами и выступлениями А. Зиновьева, полагаю, что можно прийти к выводу, что его вера в «идеальный коммунизм» и самого себя как «идеального коммуниста», весьма пошатнулась. Ряд западных и отечественных публицистов — исследователей его творчества отмечают, что А. Зиновьев будто бы создал новое направление в советской диссидентской литературе. Думаю, что это не так. Он всегда был и оставался «идеальным коммунистом».